

образом-эмблемой, метонимически замещающим собой образ края [2, с. 7; 6, с. 6]. Чипчирган — национальный музыкальный инструмент, дудочка; также образ с повышенной семиотичностью, способный замещать собою, по принципу соотношения части и целого, образ родной земли: «Сказали бы: “Где жить, выбирай, / К любым плыви берегам”. / Отвечу: “Всех милее мне край, / Где ты поешь, чипчирган!”». Чипчирган изображается как символ поэтической свободы и воплощение национальной души.

-
1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература : учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2007.
 2. Ванюшев В. М. Солнечный каравай. М., 1983.
 3. Дедушкин родник : рассказы и сказки удмуртских писателей. М., 1981.
 4. Пришвин М. М. Кладовая солнца : рассказы о природе. М., 2007.
 5. Родной земли просторы : хрестоматия по фольклору и литературе Удмуртии. Ижевск, 2004.
 6. Ходырев Г. Счастливая ива. М., 1989.
 7. Чипчирган : стихи удмуртских поэтов. М., 1985.

Р. А. Шаяхметов

г. Уфа

Мифологический образ станции Раевка в одноименной песне Ильдара Хайруллина

Имя, включая и топоним, уже само по себе является потенциальным генератором новых текстов, смыслов. Среди первопричин, неустанно побуждающих к созданию таких семиотических объектов, — фоносемантические ассоциации. Они с течением времени могут обрести форму локального мифа (к примеру, гидроним *Яхрома* объясняется ситуацией, где сказано ключевое «Я хрома!», астионим *Уфа* — из междометий «Уф! А!»).

Комоним *Раевка* (деревни в Мишкинском, Стерлибашевском и Туймазинском районах Башкортостана) связывается со словом *рай*¹, но кратко-временно, не доходя до стадии фавулата. Но и вне фольклора, вне литературы есть текст с мифологическим дискурсом, построенным на ассоциации *Раевка ~ рай*.

Речь идет о песне Ильдара Хайруллина (Стерлитамак) «Станция Раевка» (аудиоальбом «Башкирский сувенир», Демид продакшн, 2008). Железнодорожная станция *Раевка* в Альшеевском районе построена еще в XIX в. для Транссиба владельцем имения *Раево* (сейчас — село *Раевский*) Александром Федоровичем Раевым.

Раевка в мифопоэтическом² пространстве произведения³ стала мифотопонимом, райским локусом: это *родная земля*, куда прибывает автор с чужбины (*Выйду на станцию Раевка я, / А под ногами родная земля*); здесь свои, братья (*Ну, здравствуй, Раевка, здравствуй, братан*), вообще здесь и есть последняя земля башкир, Рай:

Раевка, глянь, вся Башкирия тут,
Нам, узкоглазым, последний приют.
...
Ну, здравствуй, Раевка, бабы, слезай,
Здравствуй, наш проклятый рай.

Родной башкирской земле вне Раевки-Рая грозят *чума*, бедствия, нищета:

Шайка московских лощеных господ
Скоро отнимет последний завод.
Местные баи толпою хапуг
Скупят за водку всю землю вокруг.

Нет выхода и в бегстве из страны, в «колбасной эмиграции»:

Рядом же такие же страны плывут,
В них, если честно, не лучше, чем тут.
Рабство и религиозный психоз —
Вот в чем единственный рост!

¹ «Деревня Раевка сродни настоящему раю» [2], «родилась я в раю — в поселке Раевка Башкирской АССР» [3], «Будет ли в Раевке сахарный рай?» [1].

² Здесь как в традиционном прочтении «миф» + «поэтический», так и в этимологическом значении «мифо-творение».

³ Текст песни приводится по предоставленному Ильдаром Хайруллиным авторскому тексту, благодаря посредничеству Айдара Хусаинова. Приношу благодарность обоим за отклик и помощь.

Поезд — посредник между родной Раевкой-Раем и миром чужим, враждебным. Звуки локомотива между куплетами словно ведут нас от полустанка к полустанку, от одной картины мира к другой.

Именно со звуков движущегося поезда начинается песня, переходящая в слово-код «станция»:

Станция Раевка, красный кирпич,
Здесь был когда-то Владимир Ильич.
Это вещает нам издалека
Мемориальный дóска.

Строчки создают визуальную ассоциацию *станция Раевка > красный кирпич ~ Владимир Ильич > Кремль, Мавзолей*. Слушатель, причем слушатель подготовленный, вводится в советскую мифологию, в ее мифологемы: *Владимир Ильич Ленин, ленинские места, мемориальная доска*, — зримый маркер сакральности места, исторического события, место возложения цветов и поклонения. Первый куплет еще повторится, после предсказания, что *Ленин* станет Судьей господ:

Мало вам Ленина было тогда,
Явится новый — в том ваша вина!

Мифологичность фигуры Ленина усиливается введением неопределенного, далекого времени через операторы *был когда-то, было тогда*, поддерживается словом *издалека*.

В непонятном будущем появится новый Ленин-Спаситель, и придет социалистическая миссия из станции Раевки resp. Мавзолей у красной кремлевской стены.

Тема Апокалипсиса перекликается с идеями надежды, грядущего возмездия, в первую очередь — Ленина:

Видя, как всюду от новых господ
Русский звереет народ.

Но и сюда уже лезет чума,
Что миллионы лишает ума.
Но не лишит самодурству столиц
Нас человеческих лиц!

...

Как же вы все задолбали нас, блядь,
Что же всё не нажретесь опять!
Мало вам Ленина было тогда,
Явится новый — в том ваша вина!

Но почему произносятся завершающие строчки первого куплета с нарочито смешным акцентом (*мемориальный дóска*), тем самым высмеивая всю идеологию? Почему так сильна самоирония (*нам, узкоглазым*)?

Смех — это надежда и оружие, оружие против идеологических, культурных клише, симулякров сакральности без самой святости. Смех слышен над теми же священными коровами веры (*А духовенство, что так я люблю, / Втюхает нам санаторий в раю*) и башкирского государственного патриотизма. Последнее заложено в припеве, где повторен (как бы повторен, со смещением ударения) государственно-патриотический слоган («цвети родной Башкортостан!») и название передачи на гостелеканале БСТ «Звени курай, играй баян»:

Звени курай, играй баян!
Цвѣти родной, родной Башкортостан!
Звени курай, играй баян!
Цвѣти родной, родной Башкортостан!

И как неожиданно автор переходит от карнавала и шутовства к жесткому описанию окружающего Раевку — Рай мира в завершающем куплете.

Разворачивается бытовая ситуация прибытия поезда на станцию в реальный мир Поэта, открывающийся нам через мифопоэтические и метафорические образы:

Раевка, Раевка, кончился сон!
Мне вся Россия как душный вагон:
Окна забиты, уперт проводник,
Вечно закрытый нужник.

Рядом такие же страны плывут.
В них, если честно, не лучше, чем тут.
Рабство и религиозный психоз —
Вот в чем единственный рост!

Сон — полусмерть, полуявь; робкая попытка навести мосты между *нашим* и *тем* миром, между сознанием ~ социальным и бессознательным ~ бесцензурным. Эпифания Поэта открывает для нас удивительное: Автор, очнувшись от сна реальности, зрит *мир настоящий*, о чем и пытается сказать нашими словами, беспомощными в большинстве случаев для описания не-нашего мира (что для физического мира показал Нильс Бор, сформулировав принцип дополнительности).

Закрытость вагона-страны (*окна забиты, закрытый нужник*) сравнивается с *рабством и религиозным психозом* других миров (*Рядом такие же страны плывут. / В них, если честно, не лучше, чем тут*). Обычные реалии жизни в поезде стали метафорами большой Родины: (*душный, закрытый*) вагон ~ *столыпинский вагон* (вагонзак); *окна забиты* ~ *окно в Европу*. Нужник, вечно закрытый, становится символом бытовой культуры социума (вспомним понятие *туалетная культура*), лишения человека элементарных прав, его уничтожения; вспомним и то, что в вагонзак-ках отправление естественных потребностей происходило на людях.

Песня стерлитамакского поэта и композитора Ильдара Хайруллина «Станция Раевка» создает особый мифопоэтический образ родной земли, обогащенный синтезом этнической башкирскости в рамках русскоязычной культуры (ср. ассоциацию *Раевка* ~ *рай*, которую нельзя провести в башкирском языке, произвольное включение «мы, башкиры» (*нас*) в *русский... народ*). Язык литературно-музыкального произведения демонстрирует переход этнического самосознания на другой язык, контаминацию различных культур и создание новой. Автор принадлежит обеим культурам, и вместе с тем не принадлежит ни одной.

-
1. Будет ли в Раевке сахарный рай? // Республика Башкортостан. 2007. 28 марта.
 2. Деревня Раевка сродни настоящему раю // Дружба [Мишкинский р-н]. 2010. 3 июля.
 3. Интервью Ляйсан Утяшевой // АиФ-Башкортостан. 2007. 11 апр.